

Осень империи

Дневники
Константина
Романова

Частная жизнь Российской империи

Частная жизнь Российской империи (Алгоритм)

Михаил Вострышев

**Осень империи. Дневники
Константина Романова**

«Алисторус»

УДК 94(47)«1850-1915»
ББК 63.3(2)522

Вострышев М. И.

Осень империи. Дневники Константина Романова /
М. И. Вострышев — «Алисторус», — (Частная жизнь Российской
империи (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-479-2

Дневники великого князя Константина Константиновича (1858–1915), на которых основана книга — это и летопись рокового падения империи Романовых, и страстная исповедь мятущейся души поэта К. Р., и беспощадный анализ своих порочных чувств и крамольных идей, и исполненный боли рассказ о злосчастиях старшего брата, оказавшегося по воле царственного дядюшки сначала в застенке, а затем в пожизненном изгнании под наблюдением врачей-психиатров. Россия не забыла братьев: романсы на стихи К. Р. распевали повсеместно, сюжет его пьесы «Царь Иудейский» М. Булгаков использовал при написании «Мастера и Маргариты», а превратившему Голодную степь в цветущий оазис «сумасшедшему» Николаю Константиновичу благодарные земляки в 1918 году (уже при большевиках!) устроили пышные похороны...

УДК 94(47)«1850-1915»

ББК 63.3(2)522

ISBN 978-5-00269-479-2

© Вострышев М. И.

© Алисторус

Содержание

Год 1858-й	6
Отец	8
Детство	12
Фрегат «Светлана»	16
Старший брат	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Вострышев
Осень империи. Дневники
Константина Романова

© Вострышев М.И., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Год 1858-й

Начался XIX век для России с убийства 11 марта 1801 года императора Павла I и воцарения его сына Александра, взойшедшего на оскверненный престол в окружении убийц деда и отца. Население державы уже приближалось к сорока миллионам человек, почти поголовно крестьянского сословия. Но не только в обеих русских газетах («Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости»), но и в беседах просвещенных вельмож считалось вульгарным упоминать единственного кормильца России – простолюдина. Говорить следовало об Александре I и его красавице жене. Их дети – две девочки – прожили каждая чуть больше года. Наследника императорская чета и вовсе не дождалась, поэтому по смерти государя престол перешел к его брату Николаю. У нового монарха, не в пример предшественнику, от супруги Александры Федоровны рождались почти всегда здоровые дети, отец нежно любил их и сумел поставить на ноги, дал хорошее по тем временам образование и мало-мальски приохотил к труду. К старшему из мальчиков по смерти родителя перешел престол, младшие – Константин, Николай и Михаил – стали опорой Александру II в его самодержавном труде.

Супруга великого князя Константина Николаевича, второго сына покойного императора Николая I, 10 августа 1858 года в четвертый раз благополучно разрешилась от бремени, подавив мужу сына, а императору племянника, нареченного Константином.

В эти дни в Петербурге появилась холера (к 10 августа – пятьдесят семь больных), в Чечне продолжались перестрелки местного населения с русскими войсками, европейцы под видом борьбы с варварством разоряли Азию. Впрочем, к войнам в мире так же привыкли, как к хлебу насущному.

Год 1858-й от Рождества Христова в России ничем особо не был примечательным. Уже сгладились ссадины, нанесенные стране и Парижским мирным договором после поражения в Крымской войне. Российские подданные, которых насчитывалось семьдесят пять миллионов, жили в своем подавляющем большинстве, как и сто, и двести, и триста лет назад. Лишь несколько десятков тысяч русских, именовавших себя дворянами, над которыми не тяготело бремя прокормить себя и государство, кое в чем изменились за последнее полвека. Это прежде всего относится к их отличительной европейской одежде, подвластной капризам парижской моды. Кроме того, вместо Вольтера стали читать Диккенса и доморощенных сочинителей, ругали уже не столько грязь на дорогах и ухабы, сколько чугунок и неотесанность народа, выучились, кроме французского, с грехом пополам русскому языку.

Европа уже покрылась сетью железных дорог, паровая машина стала идолом, народ требовал равенства сословий и нередко добивался желаемого. А Россия, которую никто и в мыслях не держал назвать частью Европы – только Востоком, бурлила лишь в малочисленных клубах и кружках, то ли не умея, то ли побаиваясь окунуться в эпоху коренных перемен. Тоска, да и только! Ни тебе сознательного пролетариата, как в Англии, ни революционно настроенного среднего сословия, как во Франции, ни буржуазии, страстно занятой техническим прогрессом, как в Америке. И каково же было бы удивление русских дворян, узнай они мнение о своей стране побывавшего в России в 1808 году знаменитого сочинителя Александра Дюма. Он в первую очередь обратил внимание на тех, кого обычно не принято замечать.

«При беглом знакомстве население Петербурга отличается одной характерной особенностью: здесь живут либо рабы, либо вельможи – среднего нет. Надо сказать, что сначала мужик не вызывает интереса. Зимой он носит овчинный тулуп, летом – рубашку поверх штанов. На ногах у него род сандалий, которые держатся при помощи длинных ремешков, обвивающих ногу до самых колен. Волосы его коротко острижены, а борода такая, какая ему дана природой. Женщины носят длинные полшубки, юбки и огромные сапоги, в которых нога совершенно теряет форму. Зато ни в какой другой стране не встретишь среди народа таких спокойных лиц,

как здесь. В Париж из десяти человек, принадлежащих к простому люду, лица пяти или шести говорят о страдании, нищете или страхе. В Петербурге я ничего подобного не видел».

Что же увидит в своем отечестве только-только появившийся на свет один из самых высокопоставленных по рождению русских людей великий князь Константин Константинович? Ему жить в правлении Александра II, Александра III, Николая II, жить почти до самого конца монархии – 2 июня 1915 года. Жить по собственному разумению, ибо над ним не тяготеет груз монаршей власти, когда и шагу нельзя ступить самостоятельно. Поймет ли он Россию? Постигнет ли душу народа? Чем будет увлечен? Как сложатся его отношения с дядей-царем, кузеном-царем, племянником – последним царем? Почувствует ли приближение революционного цинизма и братоубийственного террора, краха монархической России? Впереди столько небывалых прежде событий, столько интриг и благородных поступков, что и спустя сто с лишним лет историкам не под силу в них разобраться. У великого князя впереди 57 лет...

Отец

Сорокалетний отец новорожденного с детства воспитывался для службы на флоте. Даже наставником к нему определили не профессионального педагога, а морского офицера, участника двух кругосветных плаваний Федора Петровича Литке.

«Успехи, оказанные великим князем по всем предметам, – писал Литке о своем воспитаннике, – которые, конечно, в значительной степени должны быть отнесены на счет необыкновенных его способностей, доказывают, что когда внимание учителя посвящено нераздельно одному ученику, то четырех полных часов занятий учителя с учеником совершенно достаточно».

В девятнадцать лет Константин Николаевич, уже не раз с восьмилетнего возраста выходивший в море на учебных судах, отправился на военном корабле в Константинополь, после чего составил записку «Предположение атаки царя-града с моря». В 1847–1848 годах, командуя фрегатом «Паллада», он совершил две морских кампании. В 1849 году участвовал в битве под Вайценом в Венгрии, но решил, что дым сражений – не его дело, и занялся правительственной деятельностью. В 1850 году он назначен членом Государственного совета – высшего законосовещательного учреждения, вдобавок с 1853 года возглавил Морское министерство.

«У вел. кн. Константина довольно дерзкая и бесцеремонная манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жестким, но умным взглядом, – записывает в дневнике 4 июля 1854 года фрейлина А. Ф. Тютчева, старшая дочь знаменитого поэта. – Один из всей царской семьи он невысокого роста, у него красивые «романовские» черты лица, а профиль немного напоминает Наполеона в молодости. Он отличается живостью, много говорит и с большой легкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен; от него ждут с надеждой славы будущего царствования».

С воцарением 19 февраля 1855 года старшего брата Александра II пылкий и страстный Константин Николаевич все больше погружается в государственные дела, возрождает на Черном море флот, уничтоженный в Крымскую войну, занимается законотворческой деятельностью.

Император Александр II.

«Великий князь, – отзывается о нем историк литературы академик А. В. Никитенко, – пользуется репутацией защитника и главы партии всех мыслящих людей – главы так называемого прогресса».

И хотя деятельность на благо отечества отнимала почти все время, Константин Николаевич, когда не был в заграничных командировках, вечера проводил с женой Александрой Иосифовной, дочерью Саксен-Альтенбургского герцога Иосифа, с которой обвенчался по православному обряду в 1848 году и которая родила ему Николая, Ольгу, Веру, а теперь и Константина, названного, как и отец, в честь равноапостольного царя Константина. С жинкой и старшими детьми по несколько раз в неделю он ездит в театр, играет с ними на *фортепьянах*, возит их в зверинец. Иногда участвует в домашних спектаклях. Ну и конечно, вся семья часто собирается вместе на молитву в часы обедни в домовую церковь.

Когда на свет появился *Костюха*, как ласково называл сына отец, Константин Николаевич был переполнен планами и прожектами по переустройству России. Он вездесущ – на доках Кронштадта, на боевых кораблях, в мастерских Адмиралтейства, на докладе у императора *Сашки* в Зимнем дворце, в Крестьянском комитете.

Кроме того, надо навещать больную матушку – вдовствующую императрицу, участвовать в парадах, похоронах, крестинах. И каждое утро работать со своими сотрудниками над новыми законами, уставами, чертежами, сметами.

Большинству русских дворян, привыкших к лени и постоянному доходу от труда крепостных крестьян, столь кипучая деятельность была не по плечу. Они могли посудачить в клубе за картами о достоинствах и недостатках цивилизации, посетовать в театре на упадок сценического мастерства, поругать за обедом у богатого соседа государственных чиновников. Но работать до седьмого пота – Боже упаси! На это существуют *низкие* люди.

Великий князь, как любой человек труда, брезговал пустопорожними разговорами, не стеснялся выполнять даже рутинную работу, если она необходима, искренне желал расшевелить и двинуть вперед захиревшее от долгого столбняка отечество.

Не только освобождение крестьян и возрождение флота волновали его. Требовалось, по его мнению, немедленно отменить зверские средневековые законы по отношению к приверженцам старой веры, коренным образом улучшить судопроизводство, сократить сроки службы в армии и перейти к всеобщей воинской повинности. «В то же время, – писал он 24 июня 1857 года князю А. И. Барятинскому, – необходимо изыскать новые и притом колоссальные источники народного богатства, дабы Россия сравнялась в этом отношении с другими государствами, ибо мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав и что беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле Администрации».

Бросить столь дерзкий упрек любимой России великому князю, который почитался за второго человека после царя, было не просто, тем более любимому сыну Николаю I, императора, считавшего, что его державе более всего необходима крепкая узда. Но дети часто непохожи на своих отцов, тем более Константин Николаевич, который повидал мир не только с парадного крыльца, но заглянул и через заднюю дверь, которой ходит мастеровой люд.

Костюшка лежал в колыбели, окруженный няньками, у него резался первый зуб, вспыхнула, наделала много шума и вскоре угасла первая болезнь – ветряная оспа. Начало его жизни проходило почти так же, как у миллионов других малышей, несмотря на заботу о маленьком великом князе множества прислуги и на величественные залы, в которых ему приходилось коротать время. Об этой однообразной жизни, когда ребенок впервые познает мир, ничего оригинального сказать невозможно. Отец же всецело посвятил себя борьбе за реформы в России, отдыхая лишь в те немногочисленные часы, когда бывал в кругу семьи. Его дневниковые записи пестрят заботами и опасениями о стране. Лишь изредка несколько строк он посвящает семье.

27 июня 1859 г. «Наше положение страшное. Дай Бог, чтоб наконец глаза раскрылись и чтоб перестали действовать обыкновенной нашей манерой – полумерами, а приняли наконец пусть болезненные, но решительные меры».

15 июля 1859 г. «Грустный день отъезда. Грустное прощание с жинкой и детьми, которые все в слезах».

29 октября 1859 г. «Саша¹ меня взял с собою в коляску и рассказывал мне про письма и про адреса, которые он непрерывно получает от ретроградской партии по крестьянскому вопросу».

¹ Александр II.

10 августа 1860 г. «Нашему Ангелу, Костюхе, минуло сегодня два года и его в первый раз одели в русскую рубашку, в которой он был ужасно мил, и здешняя артиллерия подарила ему артиллерийскую фуражку».

1 января 1861 г. «Вот начался этот таинственный 1861 год. Что он нам принесет? С какими чувствами взглянем мы на него 31 декабря? Крестьянский вопрос и вопрос славянский должны в нем разрешиться! Не довольно ли этого одного, чтобы назвать его таинственным и даже роковым? Может быть, это самая важная эпоха в тысячелетнее существование России. Но я спокоен, потому что верую и исповедую, что ничто не совершится иначе, как по Воле Божией, а мы знаем, яко благ Господь. Это мне довольно. На Бога надейся, а сам не плошай».

19 февраля 1861 года был подписан, а 5 марта, в Прощеное воскресенье, объявлен народу Манифест об освобождении крестьян. Сделан наконец запоздалый не менее, чем на полстолетия, шаг. Уничтожена величайшая несправедливость, уничтожена пока лишь на бумаге. Но все равно это был поворотный момент в истории, когда впервые была проявлена государственная воля к уравнению прав и обязанностей разных сословий.

Детство

Помним ли мы свое детство? Чаще – несколько случаев, незнамо почему затесавшихся в голову. Более глубоко оно западает в душу матери и похоже на золотой сон, разрушаемый с возмужанием сына. Старческие воспоминания о своих детских годах за немногими исключениями – неумышленная ложь, которую биографы имеют свойство принимать за истину и накручивают вокруг нее горы мистики и предвещаний о гениальности своего персонажа.

Если отбросить в сторону всю мишуру, Константин Константинович рос обыкновенным мальчиком, не подававшим ни особых надежд, ни беспокойств. Он был здоровым, хоть и тепличным ребенком, подчинявшимся нудному течению дворцовой жизни. Старший брат рано отдалился от семьи и завел приятелей из молодых военных, поэтому приходилось обходиться дружбой с младшими братьями Дмитрием и Вячеславом. Из сверстников Константин Константинович сдружился с великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, к которым часто ездил в гости, когда отец навещал брата-императора.

Жил Константин Константинович в унаследованных отцом бывших царских дворцах, летом – в Павловске или Стрельне, зимой – в петербургском Мраморном дворце. День начинался с молитвы в своей комнате. В праздничные, поминальные и именинные дни ездили в храмы, где собирался царский Двор. Кроме того, родители часто возили с собой ребенка на военные смотры, торжественные обеды и прочие процедуры, без которых ни дня не мог обойтись высший свет. Развлечения у мальчика были те же, что и в других августейших семьях: катание с родителями в карете, коньки, санки, шахматы, карты, купанье, театр.

Так и продолжал видеть русский народ Константин Константинович лишь издали, если бы отец не решил готовить его к морской службе и с двенадцати лет летом посылал на месяц-другой в учебное плавание на Фрегате «Громобой». На корабле не отгородиться, волей-неволей, а приходится общаться с людьми, в которых нет ни капли великокняжеской крови. Но Константин Константинович только радовался этой простой и необыкновенной жизни.

«Я встал в половине восьмого и, одевшись, пил чай. Конечно, не один, а с адмиралом и Шурой (это мой товарищ, одних лет со мной). Потом я с Шурой полез на марс. Мы отлично выпачкались смолой. Тут теперь у меня совсем другая жизнь» (4 июня 1870 г.).

Двенадцатилетний великий князь учится грести, пользоваться сигнальными флажками, ему даже иногда разрешают как взрослому постоять на вахте или поучаствовать в такелажных работах. Когда же встают на якорь, он бежит на берег за земляникой, а в городах осматривает музеи и другие достопримечательности.

Европейскую жизнь Константин Константинович в детские годы, наверное, понимал лучше, чем российскую. Ведь на родине он вращался исключительно в кругу семьи и августейших родственников, а за границей, хоть к нему и был приставлен воспитателем Иван Александрович Зеленый, кругозор становится заметно шире. То он беседует с встретившимся по дороге иностранцем-простолудином, то хозяин суконной фабрики приглашает его к себе и показывает, как из шерсти получают сукно, то прислушивается к разговорам в портовых магазинчиках.

В шестнадцать лет Константина Константиновича, как и выпускников морских кадетских корпусов, произвели в гардемарины².

Отправившись в очередное плавание, он уже пробует командовать матросами и по-взрослому курит папироски. Но служба его легка, он на корабле – привилегированная особа. Когда в Копенгагене команда загружает уголь и продовольственные припасы, его приглашают к датскому королю и они беседуют с глазу на глаз. В Лондоне он не слоняется вместе с офицерами

² Гардемарин – промежуточное звание между матросом и офицером.

по улицам, а танцует на балу с одной из дочерей королевы. В Риме, Неаполе, Венеции, Афинах, где каждая остановка длится чуть ли не по неделе, изучает архитектуру, живопись, посещает театры. Великое искусство, о котором большинство его русских сверстников знало лишь по рассказам учителей и картинкам в книгах, он с детства видел воочию, и оно глубоко запало в его душу.

Несмотря на свои шестнадцать лет и высокий рост, в Петербурге Константина Константиновича продолжают считать ребенком.

«Со мной никто не говорит серьезно... По внешности я, в самом деле, еще дитя. Страшно задевают мое самолюбие, когда говорят: "Вы еще не можете этого понять"» (6 мая 1874 г.).

На фрегате он уже взрослый. Правда, *особый* – великий князь, который, хоть не дослужился еще до офицерского звания, обедает с командиром фрегата. У него столько привилегий, что, по мнению команды, это не морская служба, а увеселительная прогулка. Редкие встречи за обеденным столом с другими гардемаринами были лишь иллюзией товарищества – великий князь конфузился, а его сверстники тяготились присутствием столь важной персоны. И все же это было лучше, чем сидеть запертым в четырех стенах дворца.

Морским прогулкам, железнодорожным поездкам в Париж и Берлин, путешествиям в Крым отводились летние месяцы, иногда прихватывали часть весны и осени. В остальное время надо было не только развлекаться, но и учиться.

Дети вельмож в России получали, как правило, лишь домашнее образование. Учителей выбирали с громкими именами, почему-то считалось, что знаменитости, например поэт В. А. Жуковский, могут дать августейшим отпрыскам больше, чем профессиональные педагоги. И вместо правильного начального и гимназического образования у молодых великих князей в голове получалась такая каша, такой сумбур, что в пору было их переучивать.

С малых лет отец приохотил Константина Константиновича к музыке, они часто играли на фортепьяно в четыре руки. Сын уже в двенадцать лет перекладывал на музыку поздравительные стихи собственного сочинения, которые писались к именинам родителей и родственников. Рано пристрастился он и к рисованию, усердно учился копировать картины итальянских мастеров, пробовал себя в портретной живописи. Третье, чем мог похвастаться ученик, – иностранные языки.

Если не было выездов с родителями на запланированные дворцовые мероприятия, учебный день пятнадцатилетнего великого князя выглядел следующим образом:

9 – 10 час. – фортепьяно.

10 – 11 час. – чистописание.

11 – 12 час. – Закон Божий.

12 – 12 час. 30 мин. – завтрак.

12 час. 30 мин. – 14 час. – прогулка.

14 час. – 15 час. – английский язык.

15 час. – 16 час. – французский язык.

16 час. – 17 час. – русский язык.

17 час. – 17 час. 45 мин. – гимнастика.

18 час. – обед.

Вечер посвящался преимущественно театру.

Хотя Константин Константинович старательно относился ко всем занятиям, нет-нет, а взбунтуется душа, посетят мысли о никчемности затраченного труда, станет тошно от того, что не чувствует в себе мальчик любви к учебе.

Император Александр II.

«Во мне борьба, слезы, желание писать стихи, сочинять музыку, и ничего не выходит. Я другой человек здесь, я никуда негодный человек с тех пор, как уехал с Фрегата, не имею никакой цели, как ни горько» (6 ноября 1873 г.).

На семнадцатом году жизни к элементарным учебным дисциплинам, которые обычно проходят в начальных классах гимназии в двенадцать – четырнадцать лет, прибавились физика, химия, навигация, всемирная история и еще ряд предметов по выбору отца. Но и в семнадцать с половиной лет Константин Константинович равнодушен к учебным дисциплинам. Его неуравновешенная экзальтированная натура жаждет чего-то непонятного, несбыточного.

«Я так люблю Господа, так мне хотелось бы изъяснить Ему свою любовь. Тут внутренний голос говорит: «Занимайся астрономией, исполняй свой долг...» Неужели в астрономии долг?» (23 марта 1876 г.).

Накануне восемнадцатилетия великого князя в Павловске собрались вызванные из Петербурга экзаменаторы, которым предстояло определить уровень знаний августейшего ученика. Ведь образование уже закончено, ибо пополнять его в высших учебных заведениях столь сиятельным особам возбранялось. Вдруг сын кухарки окажется способнее и учнее?.. Конфуз!

Экзаменаторы определили, что знания у великого князя хорошие, хотя на некоторые вопросы по естественным наукам он не смог внятно ответить. Зато прекрасно знал иностранные языки и музыку.

В Европе его сверстники королевских династий обыкновенно не останавливались на домашнем образовании. Будущий король Пруссии и германский кайзер Вильгельм II окончил университет в Бонне, будущий английский король Георг V – престижный колледж в Гринвиче. Увы, в России считалось, что русским монархам и их родственникам судьбой определено *особое* предназначение, а всестороннее, тем более специальное образование (финансы, дипломатия, юриспруденция и т. д.) – удел чиновников.

Была надежда, что, познакомившись уже в детские годы с шедеврами европейской живописи и архитектуры, сроднившись с классической музыкой, полюбив русскую словесность, Константин Константинович не успокоится на достигнутом и займется самообразованием.

Фрегат «Светлана»

Летом 1875 года Константин Константинович был в плавании на фрегате «Светлана», которым командовал великий князь Алексей Александрович – сын Александра II. Двадцатипятилетний кузен получил обычное для членов августейшего семейства образование, и основные обязанности командира большого военного судна исполнял старший офицер, а два великий князя главным образом представляли на торжественных приемах во время стоянок в крупных городах.

В день восемнадцатилетия Константина Константиновича призвали в Зимний дворец и произвели в мичманы – первый офицерский чин во флоте. Следуя планам отца, который предопределил сыну посвятить жизнь морской службе, он должен был вновь на фрегате «Светлана» отправиться в плавание. Но перед этим, по предложению Александра II, на которого произвел хорошее впечатление *выражением глаз*, новоиспеченный мичман провел две недели с царской семьей в Крыму, в Ливадии. Здесь молодые великие князья играют в карты, купаются, читают, катаются на лошадях, музицируют, записывают впечатления о прошедшем дне в дневники и переписывают полюболюбившиеся стихи в свои альбомы. Но быстро пролетели дни беспечного отдыха, пора в путь, в Смирну³, где великий князь должен взойти на фрегат.

«Жаль покидать Крым, но пора на службу Царскую. Дай Бог мне честно нести ее и быть примерным морским офицером, утехой родителей и надеждой родной земли» (4 сентября 1876 г.).

Сказано выпренок, но *высокий штиль* языка все же лучше, чем бульварный цинизм в разговоре о родине.

Дорога лежит через Стамбул. Отец в его возрасте, увидев столицу древней Византии, мечтал о ее покорении русскими. У сына мысли куда прозаичнее, чувствуется, что рассуждает не воин и не политик, а легко ранимая поэтическая натура.

«Страшно поражает первый вид улиц: узкие, неправильные, грязные, с множеством самого пестрого народа, во всех всевозможных костюмах, богатейшие мечети и фонтаны и подле самые несчастные лачуги последних бедняков... Турки сами по себе народ отличный: мирный, правдивый, честный, стоит только уметь хорошо с ними обращаться» (9 сентября 1876 г.).

Обидно, конечно, что о своем отечестве, где тоже существуют бедняки и тоже поразительный контраст между дворянскими особняками и крестьянскими избами, великий князь не задумывается. Может быть, время еще впереди, чтобы разглядеть русский народ?..

Вот и Смирна, фрегат, которым, как и в прошлое плавание, командует кузен Алексей Александрович. Только теперь Константин Константинович не какой-нибудь *гардик*⁴, а мичман и имеет право входа в офицерскую кают-компанию.

Впереди Мальта, Неаполь, Мадейра, и наконец накануне Нового года по православному календарю фрегат приблизился к берегам Америки. Долго стояли в Норфолке, потом в Нью-Йорке и спустя пять месяцев покинули гостеприимные Североамериканские объединенные Штаты. Опять пересекли океан и, сделав остановки во французском Бресте и немецком Киле, 19 июня 1877 года прибыли в Кронштадт.

Чем же занимался в течение девяти месяцев морского путешествия молодой высокородный мичман? Служебных обязанностей у него, по сравнению с предыдущими плаваниями, значительно прибавилось. Он несет полноценную четырехчасовую (восемь склянок) вахту карального офицера, участвует в парусных учениях, командует во время авралов.

³ Смирна – ныне Измир в Турции.

⁴ Гардик – ласковое прозвище гардемарин.

«Дел было много, я отчетливо говорил команды и не ударил лицом в грязь» (15 сентября 1876 г.).

В море Константин Константинович дисциплинирует себя, стремится проводить дни по четкому расписанию. Но нередко случаются срывы из-за головной боли или хандры. Единственное, в чем он по-настоящему устойчив, – в любви к Богу. Каждое утро со всей искренностью молится в каюте перед образами, подаренными матерью, окружает себя религиозными книгами, с радостью встречает Великий пост – время усиленной молитвы и покаяния.

«Проснулся с тяжелым сердцем, я вспомнил некоторые грехи, которые забыл открыть священнику на исповеди» (24 марта 1877 г.).

Думы о России, кроме воспоминаний о родных, редко приходят в голову. Как, впрочем, и всей команде после выхода в море. Ведь на океанском просторе нет ни газет, ни словоохотливых политиканов. Морякам нет дела до очередного императорского указа или военных действий в Туркестане. Их волнуют другие проблемы: будет ли ураган, когда выплатят жалование, сколько миль осталось до берега. Во время стоянок офицеры почитывают газеты, но русских в иностранных портах нет, а в других о России говорится вскользь и без патетики.

Лишь когда началась война с Турцией и командир объявил о возвращении фрегата домой, моряки решили, что их посылают на войну, и их захлестнул патриотизм.

На Дунай! На Дунай! Только бы успеть, пока другие всех турок не побили!

Поддался общему экстазу и великий князь. Он лишь побаивается, что из-за молодости отец не отпустит его защищать братьев-славян:

«Я решил тогда с револьвером прийти к Папа и застрелить себя в случае отказа» (28 мая 1877 г.).

Но чем ближе Кронштадт, чем ярче встают в мыслях образы милых родителей и братьев, тем меньше неистовой жажды геройства во что бы то ни стало.

«Мало-помалу я примирился с мыслью остаться все лето в Павловске, но надежда о Дунае не совсем еще меня покинула» (15 июня 1877 г.).

Сравнивая впечатления от многомесячного плавания Константина Константиновича с записками другого молодого морского офицера⁵, годом позже прошедшего тем же путем, подмечаешь у великого князя отсутствие наблюдательности, юмора, живости характера и огромное преобладание самоанализа, душевного экстаза, набора чувств, названных во Франции декадентством.

Обыкновенного же русского моряка М.М., чья душа проста и цветуща, кто смотрел на родину открытыми глазами и сравнивал европейскую жизнь с российской, можно назвать реалистом.

Датские моряки приглашены на фрегат «Князь Пожарский»...

«Датчане отдавали честь всякому встречному на фрегате, офицеру или матросу— безразлично. Посмотрит матросик на гостя, да и отвернется ухмыляясь: "Вот дурак-то, нашел, кому честь отдавать"».

Фрегат подходит к немецкому городу Килу...

«Едва стали на бочку⁶, как к борту пристала целая туча шлюпок. Толпа женщин буквально абординировала шканцы⁷, ворвалась в каюты. Снегом посыпались карточки, прейскуранты, объявления. Все женщины оказались прачками. Некоторые из них еще были молоды и красивы лицом и желали познакомиться с офицерами покороче. Старший офицер, несмотря на свою природную доброту, принял энергичные меры к освобождению фрегата».

⁵ М. М. По портам Европы. 1878–1879 гг. Очерки заграничного плавания на фрегате «Князь Пожарский». Кронштадт, 1884.

⁶ На якорь.

⁷ Шканцы – часть верхней палубы военных кораблей, где совершаются смотры, парады, встречи.

«Первый признак Европы – хорошие мостовые».

«Небогатые, незнакомые с украшениями дома и домики рассчитаны больше на уютность, чем напоказ».

«Бедная природой, Норвегия богата трудолюбием своего народа. Глядя на эти нагроможденные друг на друга мертвые скалы, невольно спрашиваешь себя: чем же живут здесь люди? Когда вы проходите между горами от села к селу, все становится понятным. Здесь всякий клочок земли обработан заботливой рукой и ничего не пропадает даром».

В отличие от М.М., великий князь за время плавания ни разу ради любопытства не спустился в машинное отделение фрегата, никогда не беседовал с матросами, не сумел подметить ни одной отличительной черты европейской жизни по сравнению с русской. У него иные заботы, иные впечатления:

«Я начинаю отчаиваться, так мало знаю из службы, и как научиться?» (11 сентября 1876 г.).

«Я знаю, что до сих пор несколько не испорчен нравственно. Я с таким же удовольствием молюсь и читаю Евангелие, как и прежде. Одно нехорошо – это моя страсть говорить так называемые «пикантные» двусмысленности. Непременно постараюсь останавливать себя» (11 октября 1876 г.).

«Мне было грустно, и я думал о смерти» (12 марта 1877 г.).

Даже читая книги, Константин Константинович выискивает созвучные своему мрачному настроению мысли, подгоняет героев под себя или, наоборот, себя под героев. Например, в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского он подмечает: *«...в характере Раскольникова [есть] черты, подходящие под мою натуру; мне кажется, я, как и он, очень склонен к сумасшествию»* (7 апреля 1877 г.).

В научном труде Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» он тоже сумел обнаружить свое:

«Перед завтраком я вычитал из Бокля о гордости и тщеславии. Заключил, что я тщеславен, потому и всякие наружные отличия, как-то: мундиры, чины, меня прельщают и я не нахожу источника своего достоинства в собственной душе» (23 апреля 1877 г.).

В море на девятнадцатом году жизни великий князь, который спустя несколько лет станет известным поэтом под псевдонимом «К.Р.» (Константин Романов), пишет одно из первых своих лирических стихотворений. В этом возрасте обычно истинные поэты уже создают шедевры. Поздно расстающийся с детством Константин Константинович сочиняет вирши, от которых веет любительской литературщиной и глухотой к слову:

Вижу ль глаза твои,
Лазурью глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится.

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так бы на шею
Тебе я кинулся.

Сочинены эти строки не под впечатлением от встречи с женщиной. Перед автором витал образ молодого красивого офицера Меньшикова, с которым он ежедневно встречался в кают-компании и на палубе.

Уже в двенадцать-тринадцать лет Константин Константинович стал влюбляться в подтянутых красивых военных. Временами нахлынет чувство – и ничего с собой невозможно поде-

лать, хочется видеть возлюбленного, беседовать с ним, мечтать о дружбе. Вскоре волна схлынет, а через месяц-другой – новая волна. За несколько месяцев до отправления в плавание великий князь страстно влюбляется в гусара Дмитрия Голицына. Они так и не познакомились, но влюбленному больше, чем реальная дружба, необходимо душевное волнение, он рад страдать, издали наблюдая за обожаемым человеком.

«У меня странный характер, я обожаю красоту, но вовсе не женскую – красоту мужественную» (16 июня 1876 г.).

«Мужская красота меня соблазняет» (7 июля 1876 г.).

«Скучна мне и мысль о любви к женщине» (8 июля 1876 г.).

На фрегате Константин Константинович почти сразу забыл *Димку*: вспыхнула новая любовь. Сердце радостно бьется, когда он слышит шаги Меньшикова, его голос или сидит в его кресле в кают-компании. Хочется все чаще видеть его, ходить за ним по пятам, дотронуться до плеча, погладить, поверять ему свои тайны.

Константин Константинович пытается по-детски хитрить перед самим собою, придумывая объяснение своей страсти к мужчинам:

«До сих пор мысль о любви к женщине мне скучна и противна, я хочу силу, свободу, лихое молодечество, удаль» (3 сентября 1876 г.).

И все же, находясь в плавании, постоянно общаясь с морскими офицерами, которые частенько рассказывают о своих победах над женщинами, а в портах спешат посетить публичный дом, великий князь приходит к мысли, что *«любовь к мужчине в восемнадцать лет так неестественна»* (26 декабря 1876 г.). Он пытается сдерживать свои порывы, *«чтоб не дать воле рукам и не погладить его»* (8 ноября 1876 г.).

Офицер Меньшиков, догадываясь о чувствах повсюду преследующего его великого князя, предостерегает его, объясняя, что недопустимо для юноши постоянно сидеть у чужой каюты – так недалеко и до того, чтобы стать посмешищем команды. Константин Константинович пытается последовать совету Меньшикова и подавить в себе неестественные чувства, но это плохо удается.

Может быть, встречая он на своем пути не только чопорных княжон и графинь, но и девиц попроще, отношение к женщине стало бы более чувствительным. Живя же целомудренной затворнической жизнью в кругу семьи, он даже о том, зачем ложатся в одну постель мужчина и женщина, узнал лишь из разговоров моряков, когда ему уже шел девятнадцатый год жизни.

«Я прежде не понимал, отчего иногда мы видим муху, сидящую на мухе. Я теперь узнал, что ни одни животные это делают, что это есть неизбежный закон природы» (15 октября 1876 г.).

Морские офицеры, по-своему грубый циничный народ, затащили в Нью-Йорке великого князя с собой в публичный дом. Каждый выбрал себе женщину, одни распивали с ними внизу шампанское, другие уже поднялись в номера. Лишь робкий и несчастный Константин Константинович так и не поднялся наверх, оставшись девственником.

«Меня окружили женщины. Я их, видимо, интересовал. Они мне говорили, что я красив, хорош; трогали меня, жались. Одна совсем села на меня, положила руки на мои плечи, мое колено находилось между ее ног – и я не чувствовал никакой похоти или страсти» (17 марта 1877 г.).

Но этот день не прошел бесследно. Константин Константинович относился к тем натурам, которых трудно разжечь извне, зато он легко сам разжигал себя. Искра была брошена, и огонь тлел в груди несколько дней, мысленно великий князь вновь и вновь переносился на 27-ю улицу Нью-Йорка, где опростоволосился перед товарищами. И вот спустя месяц, когда он по обыкновению утром читал учебник морской практики, пламя вспыхнуло, чувство, что он должен побывать у женщины, завладело им бесповоротно.

Император Александр II в кругу семьи.

Константин Константинович в одиночестве покинул фрегат, нашел знакомый публичный дом, поднялся с женщиной в номер, потерял невинность и, заплатив пятнадцать долларов,

поспешно ушел. Ему было так стыдно содеянного, что лишь на фрегате он вспомнил о забытых в номере подаренных матерью нательных крестах. Пришлось возвращаться. Они висели там же, где он их оставил, – на стуле возле постели.

И хоть при воспоминании об этом дне Константина Константиновича продолжает мучить совесть, да и страсть к Меншикову не остыла, на обратном пути в Россию в Гамбурге он смело направляется на улицу, богатую публичными домами.

«Из всех окон выглядывали женичины и зазывали к себе. Я два раза прошелся по улице и потом, заметив где-то наверху хорошенькую головку, вошел. Она была красива, чудные глаза...» (9 июня 1877 г.).

Плавание закончилось, и 19 июня 1877 года возмужавший великий князь вернулся в родной Павловск, где его радостно обняли родители и два меньших брата. Не было уже обеих сестер, вышедших замуж за иностранных принцев и покинувших Россию... Не было и старшего брата Николы...

Старший брат

Слово «душевнобольной» имеет в русском языке единственное значение: человек, страдающий психическим заболеванием, сумасшедший.

Болезнь душой может и жестокий преступник, и талантливый художник, и банковский клерк. В XIX веке в среде интеллигенции считалось даже достоинством быть психически нестойким. Ощущал в себе зачатки душевной болезни и Константин Константинович – легко возбудимый, моментально впадавший в грусть, патетику, слезы, радостную истерию. На ум приходило, что во всем виновата дурная наследственность.

«Мне вспомнились Петр III, Павел I, Александр I и Константин Павлович, о которых думают, что они много страдали сумасшествием. Потом Никола» (26 декабря 1876 г.).

Через полтора года после свадьбы Константина Николаевича с Александрой Иосифовной, 2 февраля 1850 года, у молодоженов родился первенец, получивший при крещении имя божьего угодника и чудотворца святителя Николая чудотворца. В августейшем семействе было принято называть друг друга уменьшительными именами на иностранный манер (Николай Николаевич Старший – Низи, Николай Михайлович – Бимбо, Николай II – Ники). И лишь сына *либерала-западника* Константина Николаевича родители называли ласковым русским именем – Никола.

Детство его проходило под присмотром многочисленной челяди. Чтобы развеять скуку дворцовых покоев, Никола придумывал собственные развлечения. Так, он собрал в Павловске гимназистов и, сформировав из них несколько рот, устроил маневры. Задачей молодых скаутов был захват небольшой крепости в Павловском парке, где жили на покое солдаты-инвалиды. Мальчики вооружились игрушечными ружьями, барабанами, сигнальными рожками и ротными флажками. Команды отдавались согласно воинскому уставу. В результате крепость с криками «ура!» взяли штурмом, а призреваемые инвалиды сдались в плен. Кое-кому из придворных детская забава показалась похожей на штурм Бастилии, что, как известно, является символом крушения монархии. Николу отругали и впредь запретили подобные развлечения.

Писатель Д. В. Григорович, четырнадцать месяцев состоявший воспитателем при Николе, рассказывал, что мальчика очень ожесточил приставленный к нему немец, любивший методично бить ученика по щекам верхней частью ладони.

Характер юного великого князя с годами становился все более неуравновешенным, упрямым, взбалмошным. Лейб-медик И. С. Гауровиц отмечал, что быстрая возбудимость и необузданная чувствительность (на женский пол Никола стал заглядываться с двенадцати-тринадцати лет) достались ему от матери, у которой нервные расстройства доходили до галлюцинаций и ясновидения. По утверждению опять же Д. В. Григоровича, «когда он был юношей и жил в Мраморном дворце, к нему водили девок по целым десяткам».

Распутство великие князя, люди в своем большинстве глубоко религиозные, по странному стечению обстоятельств не считали грехом и даже на старости лет при живых женах заводили себе молодых любовниц, скармливая им значительные капиталы.

Никола, считавшийся самым красивым из великих князей, сдал экзамены за курс Академии Генерального штаба и поступил на службу в лейб-гвардии Конный полк. Константин Константинович отмечает в своем дневнике за 1871 год, что вся семья любит Николая, гордится, что он – командир эскадрона.

Блистательный офицер царской крови много путешествует по Европе, скупает картины и редкие музейные вещицы, любит старинными городами. В 1873 году, уже в чине полковника, он принял участие в Хивинском походе, победоносно закончившимся подчинением Хивинского царства русскому царю.

Живя уже отдельно от родителей в собственном дворце и получая ежегодно дохода от августейших уделов, то есть земель, принадлежащих Дому Романовых и сдаваемых в аренду, более двухсот тысяч рублей (пуд ржаной муки в самые голодные годы стоил не более рубля), Никола и в Петербурге, и в Европе показал удачу русского барина. Он не стеснялся ни в денежных тратах, ни в выборе любовниц, ни в товарищеских офицерских попойках. Ему прочили удачную карьеру, блестящее будущее. И вдруг...

В начале 1874 года в царском Зимнем и великокняжеском Мраморном дворцах были замечены странные происшествия. Сначала у императрицы Марии Александровны после фамильного обеда со стола пропали какие-то драгоценные вещи. Александр II сообщил об этом брату Константину Николаевичу, а тот между прочим заговорил о происшествии с женой. «Ах, это Никола!» – в ужасе воскликнула Александра Иосифовна. Муж рассердился, что у нее подобные мысли о собственном сыне, и оборвал разговор.

В марте Александра Иосифовна заметила пропажу изумрудных серег. Несколькими днями позже во время ее причащения с Николой из домового церкви исчезли старинные кресты. Мать уверилась, что виною всему старший сын, в последние годы все более отделявшийся от семьи и Бога. А тут еще официант Таубс, желая подольститься к подозрительной великой княгине, не скрывавшей своих *прозрений* от челяди, доложил, что из Турецкой комнаты исчезла китайская чашка, которую он недавно видел в руках Николы. Другой лакей сообщил, что Никола взял с отцовского стола карандаш и сунул себе в карман. Наконец, обнаружили и крупную кощунственную кражу: 9 апреля из иконы, которой благословляли Александру Иосифовну в день свадьбы, вор вынул и унес бриллиантовый камень.

Всю полицию Петербурга поставили на ноги. Пропажу обнаружили в тот же день в ломбарде, куда бриллиант отнес, по сохранившейся записи, адъютант Николая Константиновича, капитан Варпаховский.

Отец отправился к сыну домой и, не застав его, приказал тотчас разыскать подозреваемого и доставить в Мраморный дворец. Спустя несколько часов Никола предстал перед очами отца и начальника Третьего отделения графа П. А. Шувалова. Поначалу он от краж открепивался, придумал детское объяснение, что купил бриллиант у незнакомой старухи на улице, но в конце концов пришлось сознаться. Гром грянул...

Родители посчитали, что на кражу сына подбила американская куртизанка Фанни Лир, с которой, не забывая других женщин, сын поддерживал любовную связь с 1871 года. Она и раньше кружила головы высокопоставленным особам в Европе, но русский великий князь оказался самым лакомым кусочком ее сладкого пирога. Уже вырвавшись из России, Фанни Лир вспоминала о первой встрече с ним: «Передо мной был молодой человек ростом немного более шести футов⁸, прекрасно сложенный, широкоплечий, с гибким и тонким станом. У него была небольшая, красивой формы голова, овальное лицо и мягкие шелковистые волосы, стриженные под гребенку; ослепительной белизны широкий и открытый лоб, светившийся умом и проникательностью; густые черные брови и небольшие, углубленные в орбитах зеленоватые глаза, которые смотрели насмешливо и, как я узнала потом, во время гнева сверкавшие как угли. Они становились лучезарными в момент радости». Летом 1872 года Николай Константинович снял для Фанни Лир загородную дачу недалеко от Павловского дворца и почти ежедневно посещал возлюбленную. Осенью, распрощавшись с дачной жизнью, они укатили за границу. Все было бы ничего, многие великие и невеликие князья развлекались подобных образом, но он поспел привезти с собой любовницу в Грецию, к родной сестре – королеве эллинов Ольге Константиновне, что стало причиной скандала и гнева русского императора.

Не позаботившегося о внешней благопристойности великого князя отправили на полгода завоевывать Хиву, но по возвращении из похода, в июле 1873 года, старая любовная страсть

⁸ Один фут – 30,48 см.

разгорелась с новой силой. Николай Константинович поселился вместе с любовницей в новом дворце, купленном ему отцом.

«По широкой лестнице розового мрамора с великолепными вазами и бронзовыми фигурами, – описывает великокняжеские покои Фанни Лир, – мы поднялись во внутренние апартаменты, состоявшие из ряда комнат одна лучше другой. Тут я увидела огромную бальную залу, белую с позолотой, в стиле эпохи Возрождения; великолепный салон во вкусе Людовика XIV и другую гостиную, увешанную выцветшими гобеленами Людовика XV; курительную комнату мавританского стиля; будуар, обтянутый розовым шелком с кружевами; туалетный кабинет с превосходной мраморной ванной; большую столовую, обтянутую кордовской кожей; залу елизаветинского стиля; его кабинет; полузаброшенную домашнюю церковь и запущенный сад. Всюду драгоценные вещи, фарфор, картины, ковры. Я онемела от изумления при виде этого великолепия. Ни один дворец, кроме Мирамары, не мог бы поспорить в красоте с этим».

Молодую американскую куртизанку, по наущению Александры Иосифовны, решили обвинить во всех грехах Николы. Но он успел ее предупредить, чтобы побереглась русских жандармов, да и сама она умела постоять за себя.

Когда через несколько дней после признания в краже великий князь был арестован, в комнаты его любовницы, примыкавшие ко дворцу и имевшие отдельный выход, нагрянули с обыском. Все перевернув вверх дном, ничего не нашли, ибо смекалистая Фанни Лир успела переправить подаренные драгоценности вместе с обязательством великого князя на сто тысяч рублей и его завещанием, в котором она была упомянута, в американское посольство. Лишь спустя несколько месяцев, узнав, что Николай Константинович признан сумасшедшим и его имущество перешло под опеку отца, Фанни Лир согласилась продать бумаги высочайшего любовника царскому правительству. Получив приличную сумму и пообещав не компрометировать Дом Романовых за границей, она подобру-поздорову убралась из России.

По другой версии кража произошла не по наущению женщины, а из-за крупных долгов. Но эти бытовые слухи легко опровергались, ибо сумма похищенного не превышала четырех тысяч рублей, а у Николая Константиновича в письменном столе при обыске обнаружили двенадцать тысяч, да и занять он мог в любое время больше, чем выкрал.

Более подходила третья версия, что великий князь страдал kleptomanией – болезненным непреодолимым стремлением к воровству. Достаточно было взглянуть на предметы, найденные в его комнатах: склянки для духов, веера, табакерки, дешевые статуэтки, чтобы поверить в это. Удивляло только, что ничего подобного за ним раньше не замечалось (как, впрочем, и в последующие годы).

Доктор Морев, домашний врач великого князя, утверждал, что из-за постоянных семейных раздоров между родителями Николай Константинович в последнее время нехорошо себя чувствовал, и теперь произошел нервный срыв, разум помутился, и августейшего злоумышленника надо не карать, а лечить.

Существует и самая правдоподобная версия, озвученная в воспоминаниях одного современника, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства: кражи совершала великая княгиня Александра Иосифовна, чтобы в подходящий момент подбросить якобы украденное Фанни Лир и засадить ее в тюрьму. Но сын вовремя заметил проделки матери, спас любовницу, а всю вину взял на себя.

Какая бы версия ни была истинной, в обычной семье постарались бы скрыть от посторонних сам факт домашнего воровства и уж наверняка не докладывали бы о происшествии шефу жандармов. Иное, когда в тебе течет царская кровь. Александр II и его ближайшие родственники были до того щепетильными в вопросах престижа самодержавной власти, что не могли и помыслить, что кто-то из их семейства способен нарушить заповедь «не укради». Мало обращали внимания на другие пороки, указанные в Законе Божиим: любостяжание (стремление к приобретению богатства), чревоугодие (объедание и пьянство), тщеславие и блуд, потому что

сами грешили ими. Но опуститься до кражи, то есть проступка, свойственного лишь простолюдинам, — этого не могли ни понять, ни простить.

Вредил себе и Никола. Нет, чтобы покаяться, умолять о пощаде, он же в тюремном застенке впадал то в уныние, то в ярость. Так продолжалось несколько месяцев. В конце концов, по уверению современников, он написал императору письмо: «Безумен я или я преступник? Если я преступник, судите меня. Если я безумен, лечите меня. Но только дайте мне луч надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что вы делаете, жестоко и бесчеловечно».

Подобный ропот нераскаявшегося арестанта до глубины души возмутил августейшее семейство и, если бы не страх перед мнением света, его сгноили бы в тюрьме. Но кто-то, наверное, вспомнил, что в древности в некоторых государствах существовало еще более изощренное наказание — вечное изгнание. Дабы арестант вкусил его плоды, *врачи* определили у него «дегенеративную форму помешательства, которая выражается больше в действиях, чем в словах» и 11 декабря 1874 года признали его душевнобольным, определив местом постоянного жительства и лечения отцовскую крымскую усадьбу Ореанду. Возле великого князя с этих пор и до февральской революции 1917 года постоянно находились явные и тайные надзиратели. Особо рьяно они пресекали (не по своему, конечно, почину, а по царскому) общение *высокого больного* с неблагонадежными интеллигентами и его *продолжительную* привязанность к женщинам.

В Крыму Николай Константинович влюбился в Александру Александровну Демидову, урожденную Абаза. Все шло поначалу хорошо: он встречался с ней, перестал заглядываться на других женщин, успокоился и серьезно занялся научной работой по изучению торговых путей Средней Азии. Даже перестал жаловаться, что ему запрещена переписка с кем-либо, кроме родителей. Но приехавшие вдруг из Петербурга *врачи* Здекадер и Балинский, исполняя, по всей видимости, волю российского престола, «положительным образом выразились против мысли об установлении постоянных сношений больного Великого Князя с одной женщиной, признавая неудобство и опасение за последствия могущей произойти привязанности к такой женщине». Они цинично предложили организовать что-то вроде постоянно обновляемого гарема при великом князе, ибо «сношение с женщиной признано нужным для Его Высочества собственно в физическом отношении».

Демидову для реализации столь прогрессивного метода лечения из Крыма удалили. Великий князь впал в неистовство, угрожал расправой своему главному надсмотрщику — капитану первого ранга Ухтомскому, обещал убежать за границу, требовал встреч с возлюбленной. Врач Чехов, постоянно находившийся при нем, писал по начальству, что необходимо смягчить надсмотр за Николаем Константиновичем, разрешить ему общаться с теми, кого он выбирает сам. Но нервное возбуждение *высокого больного* лишь уверило петербургские власти в правильности поставленного диагноза. Александр II самодержавно предписал прекратить любые контакты своего племянника и Демидовой и повелел не допускать его ни в какие публичные собрания, ограничив общение узким домашним кругом. Оправдывал свою строгость государь тем, что «в обществе неизбежно возбуждаются превратные толки о здоровье Его Высочества и подозрения об искусственности мер по настоящему делу». Говоря по-русски, в Петербурге боялись, что люди увидят в великом князе нормального человека, а не идиота.

Николая Константиновича в течение 1875–1877 годов перевозят с места на место (село Смоленское Владимирской губернии, город Усмань Киевской губернии, имение Тавров Подольской губернии), надеясь окончательно избавиться от Демидовой. Но возлюбленные каждый раз вновь находят друг друга, и тайные встречи не прекращаются. Наконец Демидовой то ли дали хорошего отступного, то ли припугнули, а вернее, и то и другое вместе, и она, уж родившая двух детей от великого князя вдобавок к пяти от бывшего мужа, оборвала любовную связь и спустя два года вышла замуж за графа П. Ф. Сумарокова-Эльстена.

Удрученного Николая Константиновича 26 мая 1877 года переправили в очередную ссылку – в Оренбург, объяснив ее необходимостью лечения кумысом. Поначалу жизнь на новом месте складывалась спокойно. Великого князя поместили в лучших комнатах городской гостиницы, и он опять увлекся научными изысканиями, остыв, кажется, от пылкой любви. В его характере и раньше замечалось подобное: неистовство, упрямство, граничащее с безумием, стремление преодолеть любые преграды ради поставленной цели – и вдруг полная апатия, полунасмешливое воспоминание о своем *чувствительном прошлом*. Любовь вспыхивала ярким пламенем, но и сгорала дотла.

Вскоре Николай Константинович переселился за шесть верст от города, где новый главный надсмотрщик граф Ростовцев нашел подходящее для изоляции от оренбургского общества место – дачу Матвеева на берегу реки Сакмары. Общаться здесь было не с кем, и великий князь волей-неволей погрузился в ученые занятия по улучшению степного коневодства и приисканию лучшего пути для прокладки железной дороги в Ташкент. Дважды в течение 1877 года он побывал в экспедициях в песках Каракумов (с 19 июня по 29 июля и с 14 сентября по 11 октября). Итогом его исследований стали книги «О выборе кратчайшего направления среднеазиатской железной дороги» и «Пески Кара-Кум по отношению к среднеазиатской железной дороге». Обе получили одобрение императорского Русского географического общества за полную картину топографии и флоры местности, о которой до сих пор существовали смутные и не совсем верные представления.

Академик Г. П. Гальперин писал великому князю: «Пески Кара-Кум, считавшиеся непроходимыми для слезных дорог, благодаря полезному труду Вашего Императорского Высочества, оказываются проходимыми и безопасными».

Николай Константинович, в отличие от предшественников, доказывал возможность провести железную дорогу по прямой от Оренбурга до Ташкента, не огибая пески. В защиту своего проекта он привел множество доводов, основанных как на изучении старинных караванных путей, так и на наблюдениях за жизнью пустыни.

Лишь отец обрадовался увлечению старшего сына наукой и инженерным искусством. Остальные родственники остались равнодушны к столь плебейскому занятию высокородной особы. В Петербурге полагали, что оскорбительно тому, в ком течет августейшая романовская кровь, уподобляться простому инженеру-путейцу, зарабатывающего трудом кусок хлеба.

Равнодушие и снисходительность к Николаю Константиновичу быстро сменились гневом, когда 16 мая 1878 года Министерство двора и уделов получило шифрованную телеграмму, что *высокий больной* тайно женился на дочери провинциального казачьего офицера. Александр II, несмотря на то что его собственная любовная связь с женщиной *низкого* происхождения была у всех на глазах, был искренне возмущен *безобразным поступком*, то бишь неравным браком племянника, и приказал немедленно лишить его всех чинов и звания флигель-адъютанта. Щепетильного государя уговорили повременить – надо прояснить суть дела.

Император Николай I, дед великого князя Константина Константиновича.

Дача оренбургского полицмейстера Драйера находилась по соседству с великокняжеской, и неудивительно, что Николай Константинович, лишенный человеческого общения, вскоре сошелся с хорошенькой полицмейстерской дочкой Надеждой Александровной. Когда стало ясно, что обоюдное увлечение не ограничилось несколькими встречами, семью Драйер отправили в Самару. Но дочь не последовала за родителями, оставшись рядом с великим князем.

Любовная связь стала явной для провинциальной оренбургской публики и, чтобы не оскорблять патриархальных родительских чувств отца возлюбленной, великий князь 15 февраля 1878 года вступил в тайный брак с Надеждой Александровной. Венчавшему их сельскому священнику он назвался отставным полковником Николаем Константиновичем Волынским, ибо назавись он Романовым, батюшка побоялся бы совершить обряд бракосочетания. Но все тайное со временем становится явным, особенно если это касается августейшего семейства. Поэтому Петербург спустя три месяца узнал об *ужасном поступке высокого больного*. Его надзиратель граф Ростовцев – недаром же баловался либерализмом в молодости, переписываясь с А. И. Герценом, – посмел обратиться к Александру II с искренними словами о своем подопечном. «Его высокое положение, – писал граф, – и личные качества привлекают к Нему женщин неотразимо. В Нем же господствует потребность к сношениям с женщиной не только как предметом обладания, но и как средством удовлетворения других сторон жизни... Сношение Великого Князя с женщиной по Его выбору для Него необходимо как средство, сохраняющее в равновесии Его физическую и психическую природу». Далее граф сообщал, что весь Оренбург был возмущен переводом в другой город с понижением в должности полковника Драйера, известного здесь многолетней полезной деятельностью, а Николай Константинович, считавший себя причиной этой несправедливости, серьезно заболел из-за переживаний за тестя. Граф умолял императора не лишать свободы повенчанной Надежды Александровны и отменить незаслуженную немилость к ее отцу.

Суть дела была ясна, и 6 июня 1878 года государь собрал министров для решения единственного вопроса: смотреть на своего племянника, обвенчавшегося обманным образом (то есть под фамилией Волынского) на основании прежнего акта, которым он признан помещанным, или поступить с ним по всей строгости законов? Выслушав эксперта-юриста князя С. Н. Урусова, государственные мужи, желая показать друг другу превосходство своего ума, поспорили, после чего мирно разошлись, так и не придя к какому-либо решению.

Спустя две недели настойчивый государь вновь собрал свою чиновничью гвардию и задал тот же вопрос. Деваться было некуда, и единогласно постановили расторгнуть брак великого князя с девицей Драйер. Так как подобное решение являлось прерогативой Святейшего Синода, то немедленно отослали архиереям свое волеизлияние. О мере же наказания Николая Константиновича немного посудачили. Государь настаивал, что надо лишить его звания флигель-адъютанта. Хладнокровный военный министр граф Д. А. Милютин возразил, что подобное оскорбительное наказание вызовет пересуды в придворных кругах и бросит тень на всю августейшую фамилию. В конце концов постановили продолжать считать Николая Константиновича психически больным и уволить его со всех постов, которые за ним еще числятся, усилить лечение и надзор, особое внимание обратив на то, «чтобы Великий Князь избегал постоянной связи с одной и той же женщиной, последствием чего могут быть только непозволительные обещания и обманутые надежды».

Несмотря на новые строгости, Николай Константинович готовился к очередному путешествию в пустыню. «Состояние духа Его Высочества угнетенное, девица Драйер уезжает к своим родным. Великий Князь с нею виделся, но не нарушал приличия общественного», – сообщает граф Ростовцев 1 сентября 1873 года в Петербург. На следующий день экспедиция покинула Оренбург и после месяца трудов в пустыне направилась прямо в Самару, выбранную следующим местом ссылки *высокого больного*.

Самарская полиция доносила в Петербург, что жизнь Николая Константиновича в их городе протекает спокойно, если не считать демонстративных уклонений от богослужений в царские дни⁹. Был он замечен также в *либеральных тирадах* и общении с разведенной женой, которую, «соблюдая приличия, лишь в поездках за город берет с собой».

⁹ Царские дни – дни рождения и тезоименитства императора, императрицы и их детей.

«Его Высочество носит бороду, – сообщает самарский губернатор 9 октября 1878 года министру иностранных дел, – волосы на голове коротко острижены, лицо загорелое. Ходит в гражданском платье, притом весьма незатейливого покроя. Австрийская визитка со стоячим воротником, фуражка горохового цвета, все это вместе взятое производит на всех непривычное впечатление. Предупредительная внимательность и доброта обращения обратили внимание тех, кому довелось здесь видаться с Его Высочеством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.